

**ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДВУРОГОМ ИСКАНДАРЕ:
АЛЕКСАНДР МАКЕДОНСКИЙ
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ТАДЖИКОВ**

Среди особенностей, характерных для исторической науки современного Таджикистана, — рост интереса к роли конкретных исторических личностей, потребность в собственных героях и поиск золотого века в прошлом.

Изучение исторической памяти таджиков неизбежно приводит к фигуре Александра Македонского, известного на Востоке как Искандар Зулкарнайн (Двурогий). Другие локальные варианты его имени — Искандар Руми, Падишах (Патша, Пашша) Искандар, на Памире — Сикандар [Абашин 2006: 190].

Налицо достаточно парадоксальная ситуация. С одной стороны, Александр был завоевателем. Александрия Эсхата (т.е. «крайняя» или «дальняя»), город, основанный по его приказу на Сырдарье (Яксарте), обычно отождествляется с нынешним Худжандом. Известно и о его нетерпимой политике по отношению к зороастризму: на завоеванных территориях уничтожались священные книги и разрушались храмы огня [Бертельс 1948: 11]. С другой стороны, Александр традиционно изображался положительным героем, а не врагом местного населения. Его образ наделялся сверхъестественными чертами и обрастал легендами, ему приписывались героические деяния.

Е.Э. Бертельс, рассмотрев представления об Александре на материале большого количества древних и средневековых восточных источников, дал интересное объяснение этому явлению. Он связал его с иранской идеей *фарра* — божественной благодати, дарующей право на власть и передающейся по наследству. Захват власти иноземцем доказал бы несостоятельность теории *фарра* и подорвал бы авторитет местной власти и духовенства. Выход был найден: Александр был признан родственником иранских царей. Интерес представляет рассказ ад-Динавари, согласно

которому Филипп Македонский, проиграв битву Дарию II, был вынужден отдать ему в жены свою дочь. Дарий невзлюбил жену и вскоре отправил ее обратно к отцу. Однако она успела зачать и, вернувшись на родину, родила сына Александра [Там же: 13].

Восприятию Александра скорее «своим», нежели «чужаком», способствовал и его брак с Роксаной (тадж. Роушанак), примиривший его с согдийской и бактрийской знатью. По своему происхождению Роксана значительно уступала второй и третьей женам Александра (дочерям Дария III и Артаксеркса III соответственно). Однако она стала матерью его единственного законного наследника и самой прославленной из жен: память о ней жива в легендах, ее образ окружен романтическим ореолом [Müller 2012: 296].

Выделяют две точки зрения на вопрос о возникновении культа Искандара в Центральной Азии. Здесь может иметь место вымысел, происходящий из желания связывать настоящее с именем некоего героя прошлого. Но может существовать и преемственность памяти, например в случае, если остатки рухнувшего греко-бактрийского царства действительно оказались в этих землях и передали местным правителям имя Александра [Абашин 2006: 204]. С критикой второй версии выступал В.В. Бартольд. По его мнению, этот культ никак не является отголоском преданий, сохранившихся со времен самого Александра. Первые свидетельства о культе относятся только к XIII в. [Бартольд 1963а: 204; 1963б: 463]. Росту его популярности могли способствовать поздние христианские и мусульманские версии романа об Александре [Бартольд 1963а: 204]. Кроме того, образ Александра мог сливаться с другими, более поздними и менее известными персонажами по имени Искандар [Абашин 2006: 198].

К Средневековью Бартольд относит и появление имени Искандара в таджикской топонимике. Наиболее яркие примеры — озеро Искандаркуль и река Искандардарья. Возникновение озера таджики связывают с действиями самого Александра. По преданию, близ озера был город огнепоклонников, который он разрушил и затопил. В образовавшемся озере утонул его любимый конь Буцефал, и до сих пор по ночам из вод выходит *асту-об* («водяной конь»), ест траву и остается на суше до зари [Там же: 200].

По другой легенде, в лунные ночи из озера появляется сам Искандар — верхом на коне, в золотых доспехах и двурогом шлеме. Тот, кто увидит его, не покинет Искандаркуль [Middleton, Huw 2012: 131].

В верховьях Зеравшана существует легенда: Александр прошел по долине, и там, где ступали копыта его коня, выростали плодовые деревья. Когда же он остановился для принятия пищи, встряхнул скатерть со словами: «Пусть благодать идет в Ягноб». Ветер донес крошки хлеба до Ягноба, и с тех пор там всегда бывают обильные урожаи [Абашин 2006: 200].

Особое отношение к Александру на Памире. Распространено мнение, что светловолосые и светлоглазые памирцы являются потомками его воинов. Правители же Памира веками стремились возводить свои генеалогии к «Падишаху Искандару» для легитимации собственной власти. Подобное происхождение рассматривалось не просто в качестве экзотической черты, а как полноценный ресурс в политических и дипломатических отношениях [Там же: 199].

Первые сообщения о потомках Искандара, якобы населяющих труднодоступные районы Центральной Азии, появляются у Марко Поло (конец XIII в.): он писал о правителях Бадахшана. Почти двести лет спустя подобные сведения приводят Бабур (*Бабур-наме*) и — более подробно — Мирза Мухаммад Хайдар (*Тарих-и Рашиди*). Суть преданий состоит в том, что Александр поселил свое потомство в месте, «до которого не дотянулись бы руки монархов мира», и даже оставил им сочинение *Дастур ал-Амал* («Правила управления»), после чего власть в Бадахшане в течение веков непрерывно находилась в руках его потомков [Там же: 191].

Особенно убедительно ссылались на родство с Искандаром — вплоть до XIX в. — правители Дарваза и Каратегина. На это указывают и местные источники (*Тарих-и Бадахшан*, Кушкеки, Мухаммад Гани-хан), и свидетельства английских путешественников (А. Бёрнс), и сообщения русских исследователей (генералы А. Абрамов и Г. Арендаренко, географ А. Федченко) [Там же: 197].

В Дарвазе сохранилось много легенд об Александре. Рассказывают, что Искандар решил завоевать эти земли, однако они

охранялись *дэвами*. Двенадцать *дэвов* вступили в бой с двенадцатью всадниками. Посланная *дэвами пери* завлекла Александра в горную пещеру, где тот исчез. Воины же поселились в этом месте и стали первыми жителями городка Калаи-Хумб [Там же: 199].

Ряд легенд связан с долиной реки Язгулем. В верховьях реки, верят местные жители, находится *мазар* самого Александра (Искандар-шо или Почо-Скандар). Почувствовав приближение смерти, он велел нести его на носилках и похоронить там, где он опустит руку. В самой реке по этой причине — благодатная вода (*оби рахмат*). По другой легенде, местный правитель, некто Андар, смертельно ранил Александра. До сих пор долина Язгулема хранит память об этом: тут есть камень — окаменевший конь Александра; арчовые леса — его войско; тополь, выросший из его пупа; в одном из озер каждое лето появляется вода, красная от его крови. Сам же Александр стал *тир-и сар-и об* («старцем истоков реки») [Там же: 200]. Интересно, что этот вариант легенды напоминает популярные во всей Центральной Азии рассказы о халифе Али.

Культ Искандара возник и в Ферганской долине, вероятно, в результате миграций горных жителей [Там же: 201]. В Маргилане, где находилась еще одна предполагаемая его могила, до XX в. существовал институционализированный *мазар*: с хранителями-шейхами, обслуживающим персоналом и ритуалами паломничества. Надпись, датированная XVIII в., свидетельствовала о том, что местные жители в свое время считали Маргилан одной из возведенных Искандаром Александрий [Там же: 201].

Александр фигурирует и в средневековой персидско-таджикской литературе: в прозаической хронике Балами (X в.), у Фирдоуси (*Шахнаме*, X–XI вв.), Низами и Дехлеви (*Искандарнаме*, XII–XIII в.), Джами (*Хираднаме-и Искандар*, XV в.).

В наши дни в Таджикистане возрождается интерес к иранскому прошлому, на первый план выходят герои местного происхождения. В «Размышлениях накануне десятилетия независимости» президент Э.Ш. Рахмон вспоминал Александра лишь в связи с его приказом уничтожить пергаменты с Авестой и таким образом противопоставлял его зороастрийскому миру [Рахмон].

М.И. Илолов, глава Академии наук Таджикистана, в статье «Наследие наших предков» называл в числе «судьбоносных деятелей истории» Спитамена — инициатора неудачного среднеазиатского восстания против Александра — и не упоминал самого Искандра [Илолов]. Интересно, что личность Спитамена в независимом Таджикистане стала привлекать большое внимание. Так, Науский район Согдийской области в 2003 г. был переименован в Спитаменский; в 2013 г. там же был торжественно открыт первый памятник полководцу. Учрежден орден «Спитамен», в Пенджикенте существует школа его имени.

Эти явления отражают изменившиеся запросы общества: прежде образ Александра отвечал идее включения таджиков в мировую историю и причастности к обширному историческому региону; сейчас же для самоидентификации необходимы герои иного рода — собственные, национальные.

Тем не менее память об Александре в Таджикистане продолжает жить в богатейшем фольклорном и топонимическом материале и представляет огромный интерес для историков, этнографов, культурных антропологов.

Библиография

Абашин С.Н. Культ Двурогого Искандара у горцев Центральной Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. 2006. № 5.

Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963а. Т. II, ч. 1.

Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк // Бартольд В.В. Сочинения. М., 1963б. Т. II, ч. 1.

Бертельс Е.Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М., 1948.

Илолов М.И. Наследие наших предков. 2006-й — Год арийской цивилизации [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.centrasia.ru/newsA.php?st=1119785220 (дата обращения: 08.04.2015).

Рахмон Э.Ш. Размышления накануне десятилетия независимости [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.tajikistan.fromru.com/pub02.htm (дата обращения: 08.04.2015).

Middleton R., Huw T. Tajikistan and the High Pamirs: A Companion and Guide. 2012.

Müller S. Stories of the Persian Bride: Alexander and Roxane // The Alexander Romance in Persia and the East. Groningen, 2012.